

АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ РЕГУЛЯРНОЙ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ

В статье рассматривается феномен семантической деривации: приводятся подходы лингвистов к определению семантической деривации, описывается характер связи между отдельными значениями слова, раскрывается понятие регулярной многозначности, а также алгоритм определения регулярности определенного семантического переноса. Метафора и метонимия рассматриваются как основные механизмы семантической деривации; внимание также уделено когнитивным основаниям регулярной многозначности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: семантическая деривация; семантический перенос; модель семантической деривации; метафора; метонимия; область-источник; область-цель; регулярность.

The article deals with the phenomenon of semantic derivation by presenting the approaches of linguists to the definition of semantic derivation, describing the nature of the relationship between the individual meanings of words, disclosing the concept of regular polysemy, as well as the algorithm for determining the regularity of a particular semantic change. Metaphor and metonymy are considered as the basic mechanisms of semantic derivation; attention is also paid to the cognitive foundations of regular polysemy.

К e y w o r d s: semantic derivation; semantic change; pattern of semantic derivation; metaphor; metonymy; source-domain; target-domain; regularity.

Слову в естественном языке свойственна многозначность (полисемия) – «способность иметь одновременно несколько значений, т.е. обозначать разные классы предметов, явлений, действий, признаков и отношений» [1, с. 568]. Одним из путей пополнения лексической системы языка новыми номинативными единицами является семантическая деривация¹ – развитие у имеющихся слов новых значений, т.е. изменение содержания без изменения формы самого знака. Наиболее удачным представляется термин *семантическая деривация*, который используется в работе О. Н. Трубачева по исторической семантике [3] и может быть применен не только к процессу, но и к результату, т.е. к конкретным фактам семантических переходов, каждый из которых может быть назван *семантической деривацией*. Важным является

¹ Ср. со следующим определением из словаря: «Деривация (аффиксальное словообразование) – образование новых слов при помощи аффиксов (или посредством дезаффиксации) согласно словообразовательным моделям, свойственным данному языку» [2, с. 129].

замечание Анны А. Зализняк о том, что рассматриваемый термин указывает на производность, тем самым он в равной мере применим как к синхронии, так и к диахронии [4]. Ю. Д. Апресян, ссылаясь на В. В. Виноградова, приводит термин *семантическое словообразование*, имея в виду создание нового слова (= слова с другим значением), но не морфологическими, как обычно, а семантическими средствами [5, с. 187–188]. Е. А. Земская говорит о «лексико-семантическом способе словообразования» и делает акцент на его диахроническом характере [6, с. 78].

Значения многозначного слова, между которыми существует связь семантической производности, объединяются в достаточно сложные образования, по отношению к которым используются понятия *семантическая сеть* (М. А. Кронгауз) [7, с. 155], *семантическая парадигма* (И. Г. Кустова) [8, с. 30]. Е. В. Падучева считает, что «у многозначного слова есть «корневая» лексема, из которой путем определенных (регулярных!) семантических преобразований по определенным правилам могут быть получены значения остальных лексем» [9, с. 147], т.е. следствием семантической деривации является регулярная многозначность.

Понятие регулярной многозначности было введено Ю. Д. Апресяном и развито в трудах Г. И. Кустовой, Е. В. Падучевой, Анны А. Зализняк, Л. М. Лещевой. Так, «полисемия слова А со значениями a_i и a_j называется регулярной, если в данном языке существует по крайней мере еще одно слово В со значениями v_i и v_j , семантически отличающимися друг от друга точно так же, как и a_i и a_j , и если $a_i - v_i$, $a_j - v_j$ попарно несинонимичны» [5, с. 189]. Е. В. Падучева, рассматривая регулярную многозначность как следствие семантической деривации, отмечает, что «множество разных деривационных моделей обозримо, а основная масса значений слова создается за счет определенного, в какой-то мере универсального множества семантических переходов, если соответствующие модели деривации продуктивны» [9, с. 147]. Под моделью семантической деривации в данном случае Е. В. Падучева понимает «правило, которое позволяет получить толкование производной лексемы из толкования исходной; для доказательства существования моделей одни и те же деривации должны повторяться в разных словах» [Там же, с. 147]. Анна А. Зализняк моделью семантической деривации называет правило вывода производного значения вида «всякий раз, когда имеется совокупность условий А, происходит процесс, приводящий к результату В» [10, с. 32]. Таким образом, лексико-семантические модели развития производных значений характеризуются регулярностью и, в большинстве случаев, продуктивностью.

Следует различать понятия *семантический перенос* и *модель семантической деривации*. Семантический перенос представляет собой двухкомпонентную схему, которая связывает две семантические области: область-источник (например, 'осязание') и новую понятийную область-цель (например, 'характер, поведение, эмоции').

Под моделью семантической деривации понимается повторяющаяся схема развития вторичного значения, организующая последовательные

цепочки связанных между собой двух и более значений. Семантический перенос может быть представлен различным числом моделей семантической деривации.

Вывод о регулярности определенного семантического переноса или конкретной модели семантической деривации делается на основе их воспроизводимости в отдельных лексико-грамматических группах. При констатации семантического переноса или модели семантической деривации как регулярных основополагающим можно считать утверждение Д. Н. Шмелева о том, что «термин “регулярность” применяется к таким группам слов, в которых обнаруживаются однотипные значения, безотносительно к тому, охватывает ли соответствующая формула полностью данную группу или лишь частично» [11, с. 147].

Регулярность и повторяемость отношений прямых и производных значений является характерными признаками полисемии, определяющими ее основные типы. Основная часть моделей семантической деривации относится к одному из двух крупных классов – метонимические сдвиги или метафорические переносы, образующие устойчивые механизмы связи значений. Наряду с данными типами переносов также рассматриваются генерализация и специализация, или «расширение» и «сужение» значения, семантическая компрессия, семантический сдвиг, конверсия [12, с. 53–65; 13, с. 170; 14, с. 57–60].

Традиционно метафорическое отношение между значениями характеризуется как основанное на сходстве, подобии обозначаемых явлений. Процесс метафоризации значения прилагательного сводится к «присвоению объектом “чужих” признаков, т.е. признаков, свойств и состояний, принадлежащих другому классу объектов или относящихся к другому аспекту данного класса» [15, с. 335]. Метонимические отношения между значениями основаны на смежности обозначаемых объектов, явлений, ситуаций. При метонимическом сдвиге «семантическое отношение между двумя значениями возникает в границах общей для них концептуальной области» [16].

В качестве отдельного вида метафорического переноса лингвисты выделяют синестетический перенос, который основан на «использовании слов, связанных с каким-нибудь органом чувств, для обозначения понятий, относящихся к сфере другого чувства» [17, с. 122]. Синестетический перенос осуществляется на основе сходства интенсивности проявления признаков, принадлежащих разным модусам восприятия, или на основе сходства ощущений, вызываемых различными перцептивными признаками, т.е. «переходя в сферу обозначения другого ощущения, синестетические прилагательные утрачивают свои первоначальные семантические компоненты и реализуют отвлеченные значения, выражая соответственно интенсивность и оценку» [18, с. 18].

Регулярность – отличительная черта метонимических переносов; нерегулярная полисемия более характерна для метафорических переносов, так как механизм метафоризации сложнее, а выбор признака, по которому осуществляется уподобление, носит вероятностный характер. В то же время

Е. В. Рахилина указывает на то, что «и метафорические переходы, наблюдаемые в адъективной зоне, в значительной степени предсказуемы, так как один и тот же признак не может применяться к сущностям разной природы, он должен “подстроиться” под семантику новой концептуальной зоны, сама возможность которой свидетельствует о “когнитивной проницаемости” границ между взаимодействующими при метафоризации концептуальными областями» [19].

Метафора и метонимия отражают результат когнитивной обработки различных явлений действительности и носят первоначально концептуальный характер. М. В. Никитин отмечает, что и при метонимии, и при метафоре признак сходства составляет гипосему (дифференциальную сему) производного значения, а гиперсема (архисема) домысливается [20, с. 281]. Провести четкую грань между метафорой и метонимией не всегда представляется возможным: многие исследователи отмечают, что эти два механизма расширения языкового значения взаимодействуют друг с другом и выступают как единое образование [9]. Такой комплексный механизм деривации получил название метафтонимии [21, р. 323].

К исследованию регулярной полисемии часто прибегают в когнитивной лингвистике с целью познания закономерностей мышления. Устойчивые модели семантической деривации указывают на связь отдельных подсистем в семантической системе языка. В понимании семантической деривации с когнитивной точки зрения важным представляется отношение семантической области-источника и области-цели, смысловой связи между исходным и производным наименованием. Так, регулярная семантическая деривация связывает две концептуальные области или сферы, которые в работах Дж. Лакоффа и М. Джонсона получили такие названия, как *source domain* ‘сфера-источник’ и *target domain* ‘сфера-цель’ [22]. Семантический перенос из сферы-источника в сферу-цель охватывает некое множество лексем, которые по определенной схеме связывают исходную и конечную сферу.

Лингвисты, исследующие причины и пути семантической деривации (В. Н. Телия, Д. Н. Шмелев, Анна А. Зализняк, Г. И. Кустова и др.), обращают внимание на систематичность семантических сдвигов и переносов и подчеркивают, что, какой бы ни была семантическая история отдельных слов, сдвиги в их значениях подчинены семантическим законам, определяемым процессами мышления. Ученые отмечают также и то, что в сознании человека существуют когнитивные структуры – готовые схемы или модели, под которые могут быть подведены новые ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новиков, Л. А. Избранные труды : в 2 т. / Л. А. Новиков. – М. : Изд-во РУДН, 2001. – Т. 1 : Проблемы языкового значения. – 676 с.
2. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Изд-во «Советская энциклопедия», 1966. – 608 с.
3. Трубачев, О. Н. Приемы семантической реконструкции / О. Н. Трубачев // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Теория лингвистической реконструкции ; под ред. Н. З. Гаджиевой. – М., 1988. – Т. 1. – С. 197–222.

4. Зализняк, Анна А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект «Каталога семантических переходов» / Анна А. Зализняк // Вопросы языкознания. – 2001. – № 2. – С.13–25.
5. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. – М. : Языки рус. культуры, 1995. – 213 с.
6. Земская, Е. А. Современный русский язык. Словообразование / Е. А. Земская. – М. : Флинта, 2005. – 323 с.
7. Кронгауз, М. А. Семантика / М. А. Кронгауз. – М. : Изд. центр РГГУ, 2001. – 398 с.
8. Кустова, Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения / Г. И. Кустова. – М. : Языки слав. культуры, 2004. – 472 с.
9. Падучева, Е. В. Регулярная многозначность. Проблема сохранения единства слова / Е. В. Падучева // Динамические модели в семантике лексики. – М. : Языки слав. культуры, 2004. – С. 147–154.
10. Зализняк, Анна А. Феномен многозначности и способы его описания / Анна А. Зализняк // Вопросы языкознания. – 2004. – № 2. – С. 20–45.
11. Шмелев, Д. Н. Избранные труды по русскому языку / Д. Н. Шмелев ; вступ. ст. Л. П. Крысина. – М. : Языки слав. культуры, 2002. – 888 с.
12. Журавлев, А. Ф. Технические возможности русского языка в области предметной номинации / А. Ф. Журавлев // Способы номинации в современном русском языке / отв. ред. Д. Н. Шмелев. – М. : Наука, 1982. – С. 45–109.
13. Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика / И. М. Кобозева. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – 350 с.
14. Шмелев, Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка / Д. Н. Шмелев. – М. : Просвещение, 1964. – 244 с.
15. Арутюнова, Н. Д. Функциональные типы языковой метафоры / Н. Д. Арутюнова // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1978. – Т. 37, № 4. – С. 333–343.
16. Рахилина, Е. В. База данных по многозначным качественным прилагательным и наречиям русского языка [Электронный ресурс] / Е. В. Рахилина // Диалог 2010 : материалы междунар. конф. по компьютерной лингвистике. – Режим доступа : <http://www.dialog-21.ru/dialog2010/materials/html/26.html>. – Дата доступа : 17.02.2021.
17. Гак, В. Г. Сопоставительная лексикология: на материале французского и русского языков / В. Г. Гак. – М., 1977. – 264 с.
18. Гак, В. Г. Метафора: универсальное и специфическое / В. Г. Гак // Метафора в языке и тексте / В. Н. Телия, В. Г. Гак ; отв. ред. В. Н. Телия. – М. : Наука, 1988. – С. 11–26.
19. Рахилина, Е. В. Модели семантической деривации многозначных качественных прилагательных: метафора, метонимия и их взаимодействие [Электронный ресурс] / Е. В. Рахилина, О. С. Карпова, Т. И. Резникова // Диалог 2009 : материалы междунар. конф. по компьютерной лингвистике. – Режим доступа : <http://www.dialog-21.ru/dialog2009/materials/html/65.html>. – Дата доступа : 18.02.2021.
20. Никитин, М. В. Курс лингвистической семантики / М. В. Никитин. – СПб. : Науч. центр проблем диалога, 1996. – 756 с.
21. Goossens, L. Metaphonymy: the interaction of metaphor and metonymy in expressions for linguistic action / L. Goossens // Cognitive Linguistics. – 1990. – № 1/3. – P. 323–340.
22. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры / под. ред. Н. Д. Арутюновой. – М. : Прогресс, 1990. – С. 387–416.